

Улыбка в наследство

Наталья Гарбер, 2006,
из книги «Джем»

В конце февраля 2003-го, ровно накануне дня защитника отечества, умерла моя бабушка Вера, полгода не дожив до своего 90-летия. Она давно болела и, в общем, исход был понятен, но когда сорок дней пришлось на первое апреля, я подумала, как это похоже на нее – старушка была с острым характером.

Когда-то, накануне

окончания школы, я пришла к ней в гости, открыла дверь своим ключом и стала раздеваться в передней. Моя семидесятилетняя бабушка, кемарившая под телевизором спиной ко мне, обернулась на шорох, вернулась в исходное положение и вдруг сказала: «Представляешь, идет мне навстречу Анька в моих голубых перчатках и моей же голубой шляпке! Взяла и надела сестрино, вот нахалка!» Ее сестре Анне в те годы было за семьдесят, она мало ходила, да и моя бабушка в голубых шляпках в те годы уж точно не разгуливала. Так что я, прыснув, спросила:

– Когда это все было-то? Старушка пожала плечами, удивляясь моей недогадливости:

– Как когда? В 1934 году!

– Ба, да ты настоящая женщина! Забываешь, куда сегодня положила футляр от очков, а помнишь про перчатки 1934 года, – сыронизировала я, вытягивая ногу из сапога.

– А у тебя клеточка-то – немодная! – парировала бабушка, не оборачиваясь.

Я посмотрела на свою юбку: клетка действительно была неудачная, и моя близорукая старушка засекала это с первого взгляда. А я в свои шестнадцать лет и с отличным зрением прошлапила в упор.

Бабушка понимала не только в юбках. Когда ее дочь одновременно решила родить меня и разводиться, согласие на диковинный шаг она испросила именно у Веры: молодой мамаше нужны были деньги и поддержка. Домостроевскую бабушку идея возмутила, мольбы не растрогали, аргументы не убедили, но потом что-то случилось, и она вдруг сказала «рожай!». Мать с бабушкой всегда была не в ладах, но точно знала, что Верино слово – камень. И точно: старушка ни разу не подвела, хотя через два года дед умер, кормильца в семье не стало, а бабушка сильно сдала.

Я в младенчестве застала деда всего на пару лет и по рассказам знаю: когда он наклонялся над манежем, я блаженно щурилась, как на солнце, и млела. Народ приходил специально посмотреть, дед подходил к манежу и всегда вызывал одинаковый эффект. Я пыталась вспомнить эту улыбку, но не могла. Историю знаю, а улыбку – не помню. Расстроилась, зарылась в старые шкатулки с фотографиями, письмами и всяким прочим наследством. Запутавшись в незнакомых лицах и записках, я решила восстановить историю жизни деда с бабушкой, чтобы вся эта каша обрела вид связного воспоминания. Когда-то я расспрашивала бабушку, что-то записала, но потом бросила. Я нашла свои записи, разобрала шкатулки, обзвонила родню и, наконец, собрала все воедино.

Любовь стремится

К источнику любви. Смерть

*Ведет туда же.
Я смотрю на фото и
Вижу необратимость.*

Бабушка Вера родилась в 1913 году, ее отец Василий Тихомиров держал обувные заводы под Тулой и был человеком жестким, мощным и властным. В семье было шестеро детей и нянька-монашка, причем бабушка была второй по счету – у нее была еще старшая сестра Анна (та самая, что без спросу взяла в 1934-м голубые перчатки) и младшие братья и сестры. Жизнь была богатая, купеческая, но строгая. Бабушка рассказывала, что мой прадед – ее отец – за послушание во время обеда мог ложкой по лбу дать так, что не балуй.

После революции прадед на какое-то время нашел общий язык с советской властью, и занялся производством спортивной обуви. Не случись сталинских репрессий, я была бы «мисс русский Адидас». Но в 1927 году его забрали на черном «воронке» и все, что было, экспроприировали. Желудок его посадили в тюрьму с «уткой», то есть теткой, которая должна была ее разговорить и выведать, не припрятано ли где еще чего. Пленница проболталась, власти забрали оставшееся, и мать с шестью детьми осталась в нищете со статусом «члены семьи изменника родины» (ЧСИР). Бабушке было 14 лет, старшей сестре 16, остальным детям и того меньше. На что они жили в те годы, я не знаю: может, родня помогала, может... Нет, не знаю.

Прадеду моему «пришили» антисоветский анекдот и отправили за Урал в ссылку на 10 лет. Жена к нему ездила, но семейной жизни уже, понятно, не было. Бабушка моя, которая даже на фотографиях – самая красивая и решительная из всех детей, вскоре стала главой семьи. Статус ЧСИР делал удачное замужество для нее и сестер проблемой. На старых фото лихая красавица Вера всегда сидит в окружении восторженных кавалеров, но мне она про те годы сказала «все ходили, да никто не предлагал – боялись».

Бабушка закончила инженерный техникум третьей руки, в который допустили дочку посаженного заводчика, и, кажется, даже нашла работу, как вдруг в 18 лет ей выпал лотерейный билет в виде состоятельного и высокопоставленного военного инженера, который, вероятно, имел достаточные связи в КГБ, чтобы позволить себе такой брак. Он наверняка был сильно влюблен, но, похоже, имел какие-то свои счета с властью и потребность эпатировать ее, так что брак имел для него двойной смысл. Однако сделка была честной, ибо благодаря бабушкиному замужеству все семеро ЧСИР получили средства к существованию и «прикрытие» от давления властей.

Так моя бабушка сменила фамилию Тихомирова на Петрова. С мужем она жила хорошо, даже свекровь ее любила: хоть Вера и была с норовом, но если за что бралась, то делала по высшему классу. Сделав своей профессией семью, бабушка вела дом, как корабль, так что муж ее не прогадал. Вера потрясающе готовила, шила и вышивала, принимала гостей. От этого брака у нее родился сын, мой сводный дядя. На фото, сделанном через полгода после родов, статная красавица Вера имеет дивную фигурку с тонкой талией и пышным бюстом – и уверенный взгляд капитана.

Несмотря на голубые шляпки, веселья в тридцатые годы было мало: в 1937 году моему прадеду по завершении 10-летней ссылки дали «10 лет без права переписки», и он сгинул в лагерях. Говорят, второй приговор он получил за второй анекдот. Не думаю, что тогда для высшей меры ссыльному заводчику нужен был повод, но бабушка моя всю жизнь запрещала рассказывать даже детские анекдоты про Чапаева – не хотела больше рисковать. А у меня всегда, как назло, был длинный язык. Видать, в деда, но только дед мой – вовсе не ее первый муж.

Во время Великой отечественной войны Вера с сыном уехала в эвакуацию в Каменск-Уральский, а в 1943 году в комнату для прислуги ей подселили некоего ученого, которым оказался... Мой будущий дед Петр Алексеевич Петров. Бабушкин высокопоставленный муж разъезжал по своим делам и дома бывал мало. А у деда по тем временам из имущества были шинелька и диссертация. Он был отличный физик, занимался самолетостроением, и для войны был человек достаточно нужный, чтобы дать ему «апартаменты» в комнате для прислуги у

приличных людей. Но он был нищий, как и положено ученому, тем более, что шли военные времена.

Его отец, мой прадед Алексей, был статский советник, дворянин, известный психиатр. Человек большого ума и широких взглядов, он получил свое дворянство за заслуги перед отечеством, а не по наследству. Отец его был кадровый офицер, понятное дело, царской армии – в его времена другой на Руси не было. В 1917 году мой прадед-психиатр трезво оценил ситуацию в стране, но почему-то уехал из Москвы не в Париж, а в Братск, где не было еще Братской ГЭС. И никого не было, кто мог бы сдать его властям. Женат он был на своей дворовой девке – видать, по любви. Дед совместил отцовский ум с материнской веселостью и в малолетстве на вопрос «Петенька, хочешь на горшочек?» почтительно отвечал «Как хотите, маменька». После школы прадед отправил его учиться в Питер и повелел жить в рабочей семье, чтобы мальчик узнал простую жизнь на своем опыте.

Дед мой оказался хорошим инженером, занялся вопросами турбулентности, потом авиацией. Во время войны был, говорят, вызван лично к Берии для разговора о важности научных задач в военное время, но и после этого визита продолжал рассказывать рискованные анекдоты. Он как-то прочел мне поэтический шедевр «Огурчики-помидорчики, Сталин Кирова пришил в коридорчике» и когда в детском саду попросили рассказать любимый стишок, я его и выдала. Мою мать вызвали тогда в детсад и сказали ей, что это «не та поэзия, которой надо учить советских детей». Но времена уже были застойные – обошлось без репрессий.

Мать родилась в Каменск-Уральском, когда в эвакуации дед жил в комнате для прислуги у мужа моей замужней бабушки. И в 1944 году она внебрачно родила от него мою мать. Дед Петя тоже был на тот момент женат, но с женой вместе не жил. Когда бабушка забеременела, дед развелся с бывшей женой по почте, послав открытку в ЗАГС. Почему-то это было так просто. Когда Вера родила дочку, ее муж, увидев новорожденную девочку с чужим выражением лица и высоким лбом, все понял и тоже повел себя просто: сказал, что оставит жену с любыми детьми. Однако бабушка моя стала добиваться развода на любых условиях: видимо, муж ее просто раздражал. В ответ супруг уперся и в разводе ей отказал, благо в те годы был закон, по которому при наличии детей бабе приходилось сидеть в браке, если муж не отпускал: так в послевоенные годы Сталин пекся об увеличении деторождаемости. К чести упрямого благоверного, он записал внебрачную дочь на свою фамилию, дал ей свое отчество и всегда относился хорошо, так что у моей матери остались о нем только теплые воспоминания.

Дед мой угла своего в Москве в то время не имел, но ему обещали квартиру после защиты докторской. Бабушка, судя по письмам, очень хотела Петиной защиты, а он, как назло, стал романы писать. Дело могло затянуться, но креативный дед вступил в переписку с известным писателем Вересаевым и тот ему сказал «можете не писать – не пишите». Дед, истинный физик-экспериментатор, тут же попробовал – и писать бросил. Тем более что редактор «Нового мира» написал ему рецензию, заканчивавшуюся словами: «В романе мало советского воздуха. Почему герои любят друг друга, а не советскую власть?»

В результате в 1948 году Петя с блеском защитил докторскую, и ему дали квартиру в Москве. Бабушкин муж заявил, что в случае развода оставит сына себе, но решительную Веру это не остановило: развод оформили, сына оставили с отцом, а моей пятилетней матери объявили, что настоящий папа у нее совсем другой. И пока она осваивала эту новость, дед с бабушкой наконец поженились. Оформляя развод, бабушке не пришлось даже менять фамилию: ее новый муж, как и старый, имел «редкую» фамилию Петров.

Петя жил своей наукой, но к жене и дочке относился нежно – по старым фоткам это видно. На мое счастье, когда-то моя восьмидесятилетняя старушка, которую уже мучил старческий маразм, сосредоточилась и рассказала мне, как в 1948 году после долгожданной регистрации дед повез ее в свадебное путешествие в Питер. Пошли они по Невскому, ручка за ручку, а Петя задумался про свои интегралы и про бабушку Веру забыл. Она его зовет, а он не откликается. Она ручку вырвала, а он идет и думает про свое. Она пришла в «Асторию» и плачет. А он через полчаса вернулся со своей научной прогулки и говорит: «Верочка, что ты

плачешь?» Она говорит: «Ну, как же, ты же не отвечал мне, ты меня забыл, ты меня потерял!» «Да? – удивился дед. – Разве?»

Моя строгая старушка рассказала все это с нежной улыбкой. А я, выслушав рассказ, примерила его на своих приятелей и возмутилась: «Да как же ты с ним после такого безобразия жила?! Это ж раздражает!» «Что ты, – сказала бабушка, и ее лицо смягчилось еще больше. – Он был такой... – Она вздохнула и прикрыла глаза. – Умный!» «Зачем тебе, бабушка, его ум, если он тебя теряет?!» – возмущенно выпалила я. Но Вера тогда только улыбнулась мягко, наклонила голову и потрепала меня по плечу. Через много лет я поняла, что главным во фразе было не слово «умный», а слово «такой». Такой, как ей надо.

По рассказам матери и разных знакомых я знаю, что «Петюня» – как она звала деда, – был для бабушки Веры всем. К его приходу с работы дом сиял, ребенок был переодет в чистое, а стол накрыт. Каждый выходной обед был представлением, каждый уикенд – театральным шоу. Дед хорошо зарабатывал и по дому ничего не делал: бабушку это устраивало – она могла построить хоть продавцов на рынке, хоть сантехников из ЖЭКа.

Я ходила с ней на рынок, она величественно указывала на персики или помидоры и спрашивала: «Почем?» Продавец говорил, например, «шестнадцать!», на что Вера отвечала: «А чтоб тебя на шестнадцать частей разорвало!» и разворачивалась уходить. Продавец либо падал за прилавок в шоке, либо, к моему удивлению, бежал за бабушкой и кричал: «Ну, скажи, сколько?» Она величественно торговалась, отбирала лучшее, брала, платила и уходила. А я держала корзинку, в которую все это складывалось, и млела. И все же для бабушкиной энергетики домашних занятий было явно маловато: не имея других возможностей выразить свою любовь к деду, она до хруста крахмалила покрывало и украшала ими мебель в квартире. А потом очень пеклась, чтоб все было красиво и непомято. А я вечно садилась, подмяв ногу под себя, и пачкала крахмальную красоту. Бабушка ругалась и шла стирать.

Дед приходил с работы и тоже нарушал идеальную красоту, потому что сразу устало ложился на диван с крахмальным покрывалом. Вера причитала в полном конфликте со здравым смыслом: «Петя, не лежи на диване – покрывало помнешь!» Петя, не вставая, иронизировал: «Действительно, как можно лежать на диване? Диваны вовсе не для этого! Иди сюда, я тебе покажу, для чего нужны диваны!» Бабушка, опомнившись, махала на него рукой, смеялась и с криком «Петя, не при детях!» бежала к плите – нести ужин. Наверное, дед понимал, что колом стоящее покрывало и прочие глупости – это форма ее любви. И не сердился. Он вообще практически не сердился, потому что был – чего уж там – очень умный.

При этом нельзя сказать, что дед был смирный. Он вообще-то любил диспуты: во времена его учебы политические вопросы еще обсуждали, так что можно было дискутировать о революции от лица Ленина, а можно – от лица Троцкого. «И плохо было Ленину, когда я был Троцким!» – говорил дед моей матери, рассказывая про свою студенческую юность. А вот с бабушкой он не конфликтовал: считал, что раз согласился жить вместе, то незачем препираться. Поэтому, наткнувшись на какое-нибудь странное женино убеждение, он изумлялся, как настоящий ученый и искал в нем смысл. Если находил, не перечил. А если не находил, то ловко иронизировал. В начале пятидесятых его лечил Певзнер, который попал под «дело врачей». Бабушка внимательно следила за мужниным здоровьем и доверяла хорошему врачу, поэтому за праздничным столом не позволяла деду есть острое, приговаривая: «Не ешь этого, Певзнер не велел!» Дед улыбался и парировал: «Ну, Верочка, он же врач-вредитель!» – и подмигивал ей. Бабушка махала на него руками, но перечить переставала – она боялась политических разговоров.

Дед, похоже, вообще мало волновался, а больше делал и шутил. Когда у меня долго не резались зубки, бабушка стали тревожиться, а дед невозмутимо сказал: «Ничего, протезики вставим». У него в это время тоже вставала проблема с беззубым ртом, только у него зубов уже не становилось, а у меня еще не было. Потом у меня зубы прорезались, но в полтора года на даче я дала вспышку аллергии с температурой под сорок. Все переполошились, а дед объявил, что эксперимент был не чистый и его надо повторить, то есть дать все подозреваемые продукты по отдельности и найти аллерген. Бабушка грозно заявила, что это произойдет только через ее

труп, Петюня кивнул, и втайне от нее вместе с моей матерью аккуратно провел эксперимент. Выяснилось, что виновата клубника. С тех пор лет до двадцати пяти я на нее только смотрела. А потом аллергия прошла, и теперь я ее уплетаю безо всяких последствий, даже странно.

У деда было всего две ситуации, когда они с бабушкой не договорились. Дед отказался покупать дачу, сказав: «Моя жена на грядках горбатиться не будет!» Заработки позволяли ему снимать любые фазенды, но бабушке хотелось своего имущества, и как-то она уперлась, взяла деньги с книжки и пошла в дедов профком покупать возделенную дачу. А ей там и говорят: «Вы домохозяйка, вам нельзя». И дед выиграл этот спор без слов.

А еще он без слов выиграл спор про социальную справедливость. Дед руководил лабораторией в знаменитом физическом институте, делал какие-то важные проекты и регулярно получал государственные премии, которые мог брать себе лично, но считал достижением всей своей лаборатории. Поэтому одну премию он нес домой, а следующую раздавал всем, включая уборщиц. Жене он просто об этом не сообщал, точно зная, что хозяйственная дочка обобранного Советами заводчика не поймет логику дворянского сына, специально выращенного мудрым психиатром в рабоче-крестьянской обстановке. Моей матери, когда подросла, дед объяснил, что считает это правильным – и все. Мать поняла.

А вот другой дедов секрет – не поняла. Она рассказала как-то, что однажды, еще до моего появления на свет, она с моим отцом повздорила. Когда разговор перешел на повышенные тона, дед вышел из соседней комнаты и сказал: «Если женщину любишь, ей прощаешь все!» На возмущенный вопрос зятя «как все?» повторил «все!» и ушел в свою комнату работать дальше. Вот так! Видно было, что мать с гордостью считает это правило верным только для мужчин. Может, поэтому своего отца я никогда не видела. Судя по ее истории и по жизни деда с бабкой, это двустороннее правило. Иначе – не работает.

Я уверена, что бабушка догадывалась про дедовы премии – уж очень была сметлива. И уж точно нервничала из-за его политических анекдотов, сердилась, что диссертацию долго защищал, и злилась, когда дачу не дал купить. Способная пятьдесят лет с возмущением помнить о заимствованных сестрой на день голубых перчатках, она никогда не рассказывала о Петюне ничего плохого.

Что еще добавить? Когда я в последний раз говорила с бабушкой, то почему-то спросила, любила ли она деда. Она пожала плечами, улыбнулась и ответила «не знаю». Мне тогда ответ показался странным, потому что я волновалась про слова. А сейчас вспомнила эту улыбку – и поняла, как сама смотрела на деда из манежа. Улыбка поднялась из глубины и вышла, наконец, на поверхность лица.

И это все?

Все.